

Чемоданов Павел Андреевич

СОВЕТСКИЙ СТАХАНОВЕЦ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ КАК КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

Статья посвящена анализу культурно-психологических аспектов стахановского движения во второй половине 1930-х гг. В начале работы дается краткий экскурс в историографию вопроса. Затем освещаются истоки стахановской ментальности, а также ее конкретные проявления: энтузиазм, приоритет общего над частным, сопричастность советским ценностям и идеологии того времени. Не обходятся стороной и негативные черты мировоззрения советских рабочих, относившихся к категории стахановцев, такие как: желание повышенного внимания к своей персоне, рекордомания и т.д. В конце делается вывод о роли "стахановца" как типа личности в истории довоенного СССР.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 190-194. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ETHNIC PROCESSES IN THE MONGOLIAN REGION IN MODERN POLISH ETHNOLOGISTS' RESEARCHES

Kheubshman Ariadna Sergeevna
Buryat State University
a.heubschman@gmail.com

The article is devoted to the modern researches of Polish ethnologists in the Mongolian region. Since the middle of the 80s of the XX century Mongolia has entered into the stage of historical changes in all the spheres of the socio-political and economic life of the society. Modern Polish ethnologists study the Mongolian world as a whole, without dividing it into Mongolia, Buryatia and Inner Mongolia of the People's Republic of China. The author considers the main topics of their researches and scientific conclusions.

Key words and phrases: Mongolia; Buryatia; Siberia; Polish ethnologists; national revival.

УДК 94(470.372)

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу культурно-психологических аспектов стахановского движения во второй половине 1930-х гг. В начале работы дается краткий экскурс в историографию вопроса. Затем освещаются истоки стахановской ментальности, а также ее конкретные проявления: энтузиазм, приоритет общего над частным, сопричастность советским ценностям и идеологии того времени. Не обходятся стороной и негативные черты мировоззрения советских рабочих, относившихся к категории стахановцев, такие как: желание повышенного внимания к своей персоне, рекордомания и т.д. В конце делается вывод о роли «стахановца» как типа личности в истории довоенного СССР.

Ключевые слова и фразы: стахановцы; ментальность; энтузиазм; рекорды; идеология; модернизация; индустриальное общество; коллективы.

Чемоданов Павел Андреевич

Вятский государственный гуманитарный университет
pavelche1492@mail.ru

СОВЕТСКИЙ СТАХАНОВЕЦ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ КАК КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

В советскую эпоху по истории стахановского движения в нашей стране накопилась масса публикаций различных жанров, в том числе и научного характера, или, по крайней мере, с претензией именоваться таковыми [2; 7; 13]. Несмотря на это, серьезных пробелов в изучении данной темы более чем достаточно. Преобладающая часть работ была написана в традиционном для советской историографии стиле и посвящена, как правило, описанию социально-экономических аспектов исследуемого явления. В постсоветский период отдельные авторы подвергли критике старые трактовки стахановского движения, однако и они в той или иной степени унаследовали при этом от своих предшественников перекося в сторону экономического компонента проблемы. Психологической, культурной стороне движения, как и прежде, уделялось явно недостаточное внимание.

Что касается более или менее крупных работ, то лишь в книге В. А. Козлова и О. В. Хлевнюка «Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов», кстати, вышедшей в свет еще в конце советского периода – в 1988 году, была предпринята попытка восполнить указанный пробел. Однако и в ней культурно-психологическим особенностям советского стахановца как типа личности отведено лишь немного места. Авторы ограничиваются скупой характеристикой стахановцев как «передовых представителей рабочего класса и колхозного крестьянства..., ориентированных на активное отношение к жизни, творческий подход к решению профессиональных задач» [9, с. 163].

Если говорить о более поздних исследованиях, то в них интерес к теме стахановского движения постепенно возрождается. При этом определенная «однобокость» (в сторону социально-экономического аспекта стахановского движения) наблюдается в отечественной историографии и сегодня. Так, в журнале «Вопросы истории» в 2015 году вышла статья екатеринбургского профессора М. А. Фельдмана «Место стахановского движения в предвоенной советской истории». В ней автор с опорой на достижения отечественной и зарубежной исторической науки, а также документы уральских архивов освещает ряд важных сторон исследуемого явления, касаясь в том числе вопросов ментально-психологических особенностей советских стахановцев.

Фельдман утверждает, что преобладающим мотивом «перехода» рабочих из основной массы в категорию стахановцев была более высокая, в сравнении со средней по отрасли, заработная плата. Существование же самого движения, по его мнению, поддерживалось «запугиванием всех сомневающихся во “всеобъемлющей силе стахановского труда”», поскольку оно «с момента зарождения до реального исчезновения после 1936 года носило искусственный, мифологический и агитационно-пропагандистский характер» [22, с. 6-16]. Из утверждения об отсутствии реального социально-экономического содержания в стахановском движении у автора

логично вытекает вывод и об отсутствии особого «стахановского» типа советского человека. Надо сказать, что столь упрощенная трактовка мотивации и мировоззрения советских передовиков в рассматриваемый исторический период разделяется далеко не всеми современными авторами [18, с. 19].

Кроме того, такой подход представляется далеко не бесспорным с той точки зрения, что в нем прослеживается все тот же социально-экономический «уклон», характерный еще для советской историографии, правда с иными акцентами. Основным лейтмотивом статьи Фельдмана является утверждение о конфликте двух точек зрения на развитие советской экономики в 1930-е годы. Первую он именуется «рациональной». Она, в соответствии с предлагаемой концепцией, была представлена рядом деятелей советской элиты из числа т.н. «хозяйственников» (Г. К. Орджоникидзе, Г. Л. Пятаков). Вторую точку зрения он характеризует как «идеалистическую», проводимую в жизнь верхушкой «партийной» элиты страны во главе с И. В. Сталиным. Эта линия в итоге возобладала, о чем свидетельствовало в том числе и развернувшееся стахановское движение, в котором Фельдман, как уже говорилось, не видит реальной экономической составляющей [22, с. 16].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что заявленную нами проблему нельзя считать раскрытой в комплексе всего многообразия факторов в рамках отечественной исторической литературы. Что касается западной историографии, то и там до самого последнего времени преобладал социально-экономический «угол зрения» на стахановское движение, причем социальный аспект в ней был представлен преимущественно темой политических репрессий на советских предприятиях (прежде всего, по отношению к инженерно-техническим кадрам) [24].

Однако в конце 1980-х годов в западной исторической литературе обозначились иные мнения. Так, представитель «ревизионистского» направления в американской советологии, профессор Мичиганского университета Льюис Сигельбаум выдвинул идею, что стахановское движение в СССР было попыткой «одним махом создать “современного индустриального человека”». В этой связи автор находит заслуживающими внимания не только и не столько рекорды стахановцев, сколько «присущую им трудовую этику – пунктуальность, преданность работе и рабочую дисциплину» [23, с. 91].

Здесь присутствует важная деталь – признание за стахановцами «статуса» особого типа советского человека, притом типа по тем временам нового. Автор данной статьи разделяет эту точку зрения и попытается, основываясь на материалах одного из регионов СССР (Кировского края / Кировской области) выявить и охарактеризовать культурно-психологические особенности стахановца как характерного типа советского индустриального рабочего периода 1930-х годов.

1930-е годы – время бурного развития промышленного потенциала Советского Союза и, как следствие этого, ускоренной урбанизации, что непосредственно сказалось на процессе формирования рабочего класса страны и на его социально-психологическом облике. В контексте изучаемой темы весьма существенно то обстоятельство, что большинство промышленных рабочих Советского Союза того времени были родом из деревни. По некоторым данным, только прямыми выходцами из крестьян являлись свыше 60% будущих стахановцев [9, с. 154]. Кроме того, многие участники движения были горожанами (либо жителями рабочих поселков) лишь во втором поколении, что также немаловажно с точки зрения особенностей их психологии.

Мировоззрение и образ жизни русских крестьян сформировались еще в Средневековье и вплоть до начала XX века оставались по большей части неизменными. Что же касается крестьянской ментальности, то ее основные черты хорошо изучены и известны: патриархальность, коллективизм, приверженность «общему делу» и т.д. [1, с. 51]. Среди ее особенностей нередко упоминается и т.н. «минималистская потребительская этика». Профессор Санкт-Петербургского государственного университета Б. Н. Миронов характеризует ее следующим образом: «Крестьянин работал до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи, не стремился к накоплению» [14, с. 314]. Следуя этой психологии, советский рабочий даже в первую половину 1930-х годов оставался по большей части экономически пассивным, что не устраивало руководство страны и не соответствовало задачам государства и общества.

Немудрено, что некоторые исследователи и публицисты рассматривали стахановское движение как попытку «расшевелить» инертную массу советских рабочих. Такое мнение, к примеру, высказал французский писатель Андре Жид. В книге «Возвращение из СССР» он писал по этому поводу: «Стахановское движение было замечательным изобретением, чтобы встряхнуть народ от спячки (когда-то для этой цели был кнут). В стране, где рабочие привыкли работать, “стахановское движение” было бы не нужным. Но здесь, оставленные без присмотра, они тотчас же расслабляются. И кажется чудом, что, несмотря на это, дело идет. Чего это стоит руководителям, никто не знает» [8, с. 533].

Упомянутые Жидом перемены в побудительных мотивах советского человека (от кнута к стахановскому движению) можно воспринимать шире, как важнейшую приметку начавшейся смены культурного типа в целом. Один из основоположников теории культурно-исторических типов, известный русско-американский социолог Питирим Сорокин описывал подобные процессы как переход от «идеациональной» культуры, основанной на традиции и нематериальных ценностях, к культуре «идеалистической», основанной на сочетании материальных и духовных ценностей с преобладанием последних [19, с. 50]. Определенную преемственность человека эпохи индустриализации в СССР и исторически предшествовавшего ему русского крестьянина, чье мировосприятие было основано на православном христианстве, прослеживал еще один крупный представитель упомянутого направления – Арнольд Тойнби [21, с. 109].

Переходя к конкретным чертам ментальности стахановцев, стоит отметить немаловажное обстоятельство: в стахановцы шли, по большей части, молодые, в силу возрастных особенностей тяготевшие к переменам и новациям люди. К примеру, на 1-ом съезде стахановцев Кировского края (2 декабря 1935 года)

из 254 делегатов 184, т.е. примерно 72%, попадали под возрастную категорию от 17 до 35 лет [4, д. 598, л. 114]. Обратившись к общесоюзным данным, наблюдаем схожую картину: возраст до 35 лет имели 73,5% советских стахановцев во второй половине 1930-х годов [9, с. 153]. Таким образом, самым старшим из этой возрастной группы в 1917 году было примерно 17 лет, а самые младшие еще не появились на свет. Их личностное формирование происходило уже (полностью или отчасти) при новом общественно-политическом строе под воздействием идеологии, соответствующей пропаганды и новых тенденций в культурной жизни. Поэтому степень приверженности коммунистическим идеалам и установкам, в том числе и модернизационного характера, у них также была неизмеримо выше, чем у старшего поколения.

Первая черта ментальности стахановцев, которую можно выделить, – это сопричастность делу строительства социализма в СССР, желание быть вовлеченными в процесс модернизации экономики и общества. В пользу этого говорят высказывания многих стахановцев, нашедшие отражение в источниках. Так, 26-летний стахановец-машинист Кировского депо Трегубов, выступая на краевом совещании стахановцев, критикуя своих безынициативных коллег, говорил: «У нас есть некоторые машинисты-нытики..., которые работают только для того, чтобы заработать копейку на хлеб, не думают, что перед ними стоят требования о повышении производительности труда» [4, д. 599, л. 29]. Сам же стахановец, согласно логике его высказывания, об этих требованиях думал.

Машинист Трегубов не был одинок в своем стремлении соответствовать советским идеологическим установкам того времени. Энтузиазм в те годы действительно стал массовым явлением, выразительной иллюстрацией к чему может служить следующий факт. На 2-й Кировской областной конференции ВЛКСМ прозвучал призыв обкома ВКП(б) к комсомольцам региона помочь выполнить плановое задание за 1938 год по лесной промышленности области. Дело в том, что лесная отрасль была одной из наиболее проблемных в регионе, так как уровень механизации в то время был еще крайне низким. В ответ на призыв из областного центра на лесозаготовки выехало около 2000 комсомольцев, большинство из которых в короткие сроки освоили новое дело и включились в стахановское движение [5, д. 95, л. 48].

Стремление быть сопричастными строительству нового общества в СССР у стахановцев тесно переплеталось с желанием не быть «на последнем месте» в этом процессе. Данную черту психологического облика вовлеченных в движение рабочих можно охарактеризовать как состязательность. Таковая являлась специфической чертой советского социалистического строя и коренным образом отличалась от капиталистической конкуренции, прежде всего целями. При конкуренции любой ценой «оставить позади» конкурента с целью получения материальной выгоды или иных предпочтений. Состязательность же в ее советском варианте, во-первых, не предполагала наличие вражды между соревнующимися (скорее напротив: негативный компонент соперничества купировался характерной для общинного сознания психологией «общего дела»), а во-вторых, – отодвигала материальный интерес на второй план.

Соответствующая расстановка акцентов присутствует, например, в высказывании выверщика весов комбината учебно-технического школьного оборудования г. Кирова, стахановца Анатолия Лузянина: «Прочитав в газете о рекордной добыче угля на шахтах Донбасса, о рекорде товарища Стаханова, у меня явилась мысль: а почему мы не можем дать больше? Не спал ночей, долго думал, как же сделать так, чтобы и мы не остались на последнем месте. Приду в цех, а в голове одна мысль: надо работать быстрее и лучше» [16, с. 56].

Советский человек изначально формировался как человек коллективистский. Даже в рамках стахановского движения, где актуальны были личные достижения отдельных рабочих, интересы коллектива всегда имели первостепенное значение. Сама логика развития стахановского движения вела его от отдельных рекордсменов к целым группам, организованно перевыполняющим норму. Поэтому уже в 1936 года на предприятиях страны и Кировской области появляются стахановские бригады, смены, цеха и т.д. [6, д. 26, л. 66]. Так реализовывалась одна из основных идей, заложенных в движение: оно было призвано, не замыкаясь на отдельных индивидуальных успехах, сделать стахановские методы достоянием всего рабочего класса страны. От каждого отдельного стахановца при этом требовалось не только самому добиться высоких результатов, но и «тянуть вверх» коллег по бригаде, цеху, заводу. Чувство ответственности за коллектив, прежде всего за отстающих, – еще одна важная черта стахановской ментальности.

Важным компонентом психологии советских стахановцев является своеобразный «дух новаторства», вполне совпадавший с «генеральной линией» на модернизацию страны. Недаром современники назвали движение последователей А. Г. Стаханова «движением новаторов». Это словосочетание можно встретить в прессе, официальных документах, выступлениях и научной литературе той поры. В коллективном труде «Развитие советской экономики», вышедшем в 1940 году, сказано на этот счет: «В основе высокой стахановской производительности труда лежит творческое изменение приемов и системы производственной работы на базе высокого освоения новой техники. Не ограничиваясь отличным выполнением своей работы по методам, предусмотренным проектами и инструкциями, стахановцы творчески изменяют эти методы, решая при этом ряд сложнейших организационных и технических задач,двигающих вперед науку и технику» [17, с. 489].

Новаторство стахановцев могло проявляться по-разному: в изменении методов работы, более эффективном распределении труда в бригаде, лучшей организации рабочего места и т.д. Разумеется, для практического внедрения новшеств в производственный процесс стахановцы должны были мобилизовать творческие способности, а в необходимых случаях – проявлять упорство и настойчивость.

Стахановские методы являются темой для отдельной научной работы, здесь же приведем лишь некоторые, наиболее показательные примеры. Выше уже шла речь о стахановце Кировского предприятия КУТШО Анатолии Лузянине. В одном из номеров газеты «Комсомольское племя» (печатный орган обкома ВЛКСМ)

были подробно описаны разработанные им методы, позволявшие многократно перевыполнять норму. «Если передвинуть наковальню сбоку и поставить ее против себя, исчезнут ненужные повороты, а если заранее подготовить призмы к коромыслам и заправить их, будет ловчее», – делился с читателями накопленным опытом стахановец [10]. Помимо чисто профессиональных усовершенствований производственного процесса, он также сократил время на разговоры и курение. Все вместе дало впечатляющий результат: 25 октября 1935 года Лузянин перевыполнил типовую производственную норму в 6,7 раза.

Стахановец завода «Ижсталь» Павел Брагин внедрил инновационные методы в работу всей бригады. «Меня убеждали, – писал он, – что никакие мои новые методы не помогут облегчить работу вальцовщика и дать больше качественного проката... Как же я организовал свою работу? Рационально расставил людей своей бригады, каждому стал давать работу по его способности, бригаду разделил на три самостоятельных группы: печная бригада, стана, вспомогательных рабочих» [20, с. 86-87]. Квалифицированные члены бригады Брагина специализировались на сложных операциях, оставляя простые подсобным рабочим. Это позволило коллективу перевыполнить норму почти в два раза.

Другим показательным примером эффективной реализации стахановских новшеств может служить работа бригадира формовочного цеха завода «Кировский металлист» И. Н. Утробина. Он добивался высоких показателей за счет четкого разделения труда в бригаде, а также благодаря тщательной подготовке к смене. Стахановец «рационально распределял работу между рабочими бригады, делая при этом заранее обдуманные практические указания», а также «заботился о своевременной подноске к рабочим моделей и др. приспособлений» [3, д. 24, л. 140].

Участие в рационализаторской деятельности требовало от стахановцев не только творчества и смекалки, но и высокого уровня профессиональной грамотности и образования в целом. Как показывают источники, таковым не могли похвастаться даже известные на всю страну «зачинатели» стахановского движения. К примеру, основатель движения на Горьковском автозаводе, кузнец А. Х. Бусыгин в своей речи на Всесоюзном совещании стахановцев в Кремле (ноябрь 1935) упоминал, что является малограмотным человеком и только недавно «первую книжку прочел». Вместе с тем, в том же выступлении стахановец акцентировал внимание на своем желании продолжить образование: «А учиться очень хочется. Ни о чем так не мечтаю, как об учении» [15, с. 25].

Схожие стремления наблюдались у стахановцев Кировской области. К примеру, упоминаемый выше Анатолий Лузянин, будучи известным на весь регион передовиком, посещал вечерние курсы, хотя технический экзамен к тому времени был уже сдан им «на отлично» [16, с. 59]. Важность технического образования для стахановского движения неоднократно подчеркивалась и в местной периодической печати. «Учеба рабочих должна рассматриваться как одно из первых условий, необходимых для дальнейшего развития стахановского движения и подъема культурно-технического уровня рабочего класса», – отмечалось в одном из номеров газеты «Комсомольское племя» за 1936 год [11].

Сопричастность происходящим в стране процессам, рвение за свое предприятие и коллектив, творческий подход к делу, тяга к знаниям – все это положительные черты стахановского типа личности. Однако стахановцы как социальная группа и психологический тип не избежали появления у некоторых из них и отрицательных черт. К таковым можно отнести, в первую очередь, своеобразную «звездную болезнь», наблюдавшуюся у части новаторов. Появление ее во многом объясняется тем, что с момента зарождения движения стахановцы пользовались повышенным вниманием со стороны партийных инстанций и администрации предприятий. Чествования на собраниях, портреты на досках почета, хвалебные статьи в газетах – все это не могло не накладывать отпечаток на характер, повадки и суждения людей. Кроме того, для них существовали серьезные материальные предпочтения в виде больших зарплат, премий, квартир, путевок вне очереди и т.д.

В зарубежной историографии в связи с этим даже возникла тенденция (активно критикуемая в советской науке) рассматривать участников движения в качестве «рабочей аристократии». Однако источники действительно дают примеры высказываний и поведения со стороны стахановцев Кировской области, которые можно расценить как проявления «элитарной» психологии.

Машинист Трегубов, речь о котором шла ранее, на 1-й областной партконференции (март 1936 года) критиковал руководство своего депо за отсутствие помощи ему как стахановцу. В частности, машинисту было отказано в просьбе выдать дополнительное железо на ремонт паровоза. При отказе начальство сослалось на плановые ограничения. Стахановец же пригрозил администрации депо обращением городской комитет ВКП(б) с жалобой и вскоре претворил угрозу в жизнь [6, д. 26, л. 477]. В итоге железо машинист получил, а руководству достался выговор.

Очевидно, машинист искренне переживал за дело, но вместе с тем не упускал случая лишний раз подчеркнуть свой статус передовика производства. Впрочем, первое вполне органично дополнялось вторым в контексте достаточно сложного не только психологического, но и экономического феномена. Дело в том, что в подобных ситуациях четко обозначался конфликт между личностно-коллективистским началом, на котором базировалось стахановское движение, и плановой системой советского хозяйствования.

Проявления конфликта личностного и планового начал в производственной жизни СССР можно проследить по публикациям периодической печати второй половины 1930-х годов. Так, еще один стахановец с КУТШО по фамилии Кадачигов в августе 1936 года со страниц «Комсомольского племени» жаловался на то, что «месяца три уже его и многих других стахановцев администрация цеха не приглашала на производственные совещания». Далее стахановец критиковал аппаратчиков и ИТР за то, что «с февраля с ним никто не беседовал, чтобы спросить, что у него не ладно, что надо» [12]. Таким образом, мы видим явное желание со стороны передовика участвовать в планировании и руководстве предприятием, а также получать адресную помощь от администрации.

Согласно логике и содержанию приведенной цитаты, такое положение рабочий считал бы нормальным, в то время как сложившаяся ситуация, напротив, требовала серьезной корректировки с его точки зрения.

Подводя итоги всего сказанного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, советские стахановцы имели ряд общих культурно-психологических черт, выделяющих их из общей массы советских рабочих. Во-вторых, черты эти играли в основном положительную роль в деле развития экономики Советского Союза в целом и процесса ее модернизации в частности. К таковым чертам можно отнести: сопричастность происходящим в стране переменам модернизационного характера, стремление не быть «на последнем месте» среди рабочих своей отрасли, переживание за успехи и неудачи коллективов своих предприятий, стремление к повышению профессионального уровня.

Однако также нельзя не отметить, что наряду с положительными для экономики и общественного развития страны особенностями советского стахановца как типа личности присутствовали и неоднозначные, такие как потребность в повышенном внимании к себе или игнорирование объективных ограничений масштабов своей деятельности. Эти особенности на практике нередко приводили к конфликту личностного и государственного начал в организации деятельности советских предприятий. При этом, несмотря на то, что вышеперечисленные черты вырисовываются довольно ясно, не стоит абсолютизировать их, чтобы избежать упрощения и схематизации одного из важнейших социально-экономических, политических и культурно-психологических явлений в истории довоенного СССР.

Список литературы

1. Бакулин В. И. Историческая психология российского общества XIX – начала XX века. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. 96 с.
2. Гершберг С. Р. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности. М.: Политическая литература, 1956. 260 с.
3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 847. Оп. 3.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1255. Оп. 1.
5. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 1.
6. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 1.
7. Дробижев В. З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М.: Издательство ВППШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. 64 с.
8. Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчик. Возвращение из СССР. М.: Московский рабочий, 1990. 640 с.
9. Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
10. Комсомольское племя. 1935. № 166.
11. Комсомольское племя. 1936. № 80.
12. Комсомольское племя. 1936. № 98.
13. Лельчук В. С. Индустриализация в СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.
15. Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14-17 ноября 1935: стенографический отчет. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 384 с.
16. Работать по-стахановски. Стахановцы Кировского края. Киров: Кировская Правда, 1936. 95 с.
17. Развитие советской экономики. М.: Соцэкгиз, 1940. 666 с.
18. Сомов В. А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 12-20.
19. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
20. Стахановцы Ижстальзавода. Ижевск: УДГИЗ, 1935. 125 с.
21. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс-культура, 1995. 479 с.
22. Фельдман М. А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. № 8. С. 3-19.
23. Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941 гг. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1994. 144 с.
24. Maier R. Die Stachanov-Bewegung. 1935-1938. Der Stachanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft. Stuttgart, 1990. 441 S.

THE SOVIET STAKHANOVITE OF THE SECOND HALF OF THE 1930S AS A CULTURAL-PSYCHOLOGICAL TYPE

Chemodanov Pavel Andreevich
Vyatka State University of Humanities
pavelche1492@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the cultural-psychological aspects of the Stakhanovite movement in the second half of the 1930s. First, a brief insight into the historiography of the issue is given. Then the background of Stakhanovite mentality, and also its specific manifestations: enthusiasm, the priority of public over private, complicity to Soviet values and ideology of that time, are illustrated. The negative features of the world outlook of Soviet workers-Stakhanovites, such as: wish for enhanced attention to their personalities, records mania and etc., are touched upon. Finally, the conclusion is made about the role of the “Stakhanovite” as a type of personality in the history of the pre-war USSR.

Key words and phrases: Stakhanovites; mentality; enthusiasm; records; ideology; modernization; industrial society; collectives.